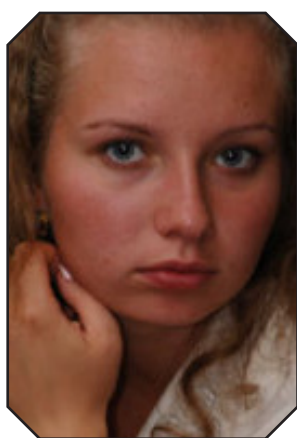

КОНФЕРЕНЦИИ

Международная конференция «Укоренённость и за её пределами: объясняют ли социологические теории экономическую реальность?»

Москва, 25–28 октября 2012 г.

**НАЗАРБАЕВА Елена
Алексеевна** — магистр
социологических наук,
младший научный
сотрудник Лаборатории
экономико-
социологических
исследований (ЛЭСИ)
НИУ ВШЭ (Москва,
Россия).

Email: enazarbaeva@hse.ru

Журнал «Экономическая социология» продолжает публиковать материалы, посвящённые конференции «Укоренённость и за её пределами: объясняют ли социологические теории экономическую реальность?». В этом номере представлены репортажи с двух пленарных заседаний, состоявшихся 27 и 28 октября 2012 г., — «Рыночные общества и моральный порядок» и «Знания, технологии и рынки».

Французская экономическая социология, или Как формируются экономические ценности в современном мире?

Третье пленарное заседание, проходившее в рамках международной конференции по экономической социологии «Укоренённость и за её пределами: объясняют ли социологические теории экономическую реальность?», состоялось 27 октября 2012 г. и было посвящено вопросам рыночного общества и морали («Market Society and Moral Order»). С докладами выступили известные французские социологи Марион Фуркад и Лоран Тевено. Председательствовал на сессии Арне Каллеберг из Университета Северной Каролины.

Г-жа Фуркад представляла Университет Калифорнии в Бёркли, Институт общественных исследований им. Макса Планка и Парижский институт политических исследований (Science Po). Марион Фуркад известна своими работами о влиянии институционального контекста на практики и концепции экономистов и о формировании экономической стоимости. Тема её доклада была сформулирована так: «Хозяйство как игра морали» («The Economy as Morality Play»).

Доклад г-жи Фуркад был посвящён вопросам формирования морального порядка в целом и тому, как экономические и социальные иерархии соотносятся с иерархиями морали.

В последние годы степень социального неравенства увеличивается как на индивидуальном, так и на межстрановом уровне. Создание еврозоны только усугубило разрыв между богатыми и бедными странами, ввергая по-

следние всё в большие долги. Ссылаясь на книгу Брайана Стинслэнда «The Failed Welfare Revolution» («Провалившаяся революция всеобщего благосостояния»)¹, а также используя термин «различение» (*distinction*) Пьера Бурдьё, г-жа Фуркад продемонстрировала, что люди склонны считать, что материальное благополучие человека зачастую ассоциируется с такими его индивидуальными качествами, как надёжность, честность и успешность. Иными словами, предполагается: если человек богат, то, скорее всего, он заслуживает этого, и он успешен и надёжен. Проверки бедных в США 1950-х гг. на предмет того, насколько они действительно нуждаются в материальной помощи, с точки зрения г-жи Фуркад, также служат примером того, что бедность воспринимается как характеристика, которой сопутствуют нечестность и неблагонадёжность.

Г-жа Фуркад подчеркнула: можно говорить о существовании своего рода механизмов, которые ведут к тому, что социальные и экономические иерархии превращаются в моральные иерархии (*moral hierarchies*). Так, например, в Европе ослабевающая поддержка бедных слоёв населения в некоторых исследованиях рассматривается как следствие негативного отношения к трудовым мигрантам. Существует своеобразная вертикаль, наверху которой находятся страны, рассматривающиеся как достойные кредитов, хороших товаров, достигшие высокого уровня развития, а внизу — страны с худшим положением. Аналогичная система рангов выстраивается и в отношениях между людьми. Здесь г-жа Фуркад со ссылкой на Вивиану Зелизер напомнила слушателям о том, что изменения в характере денежных трансакций между двумя людьми могут служить показателем изменений в остальных аспектах их взаимоотношений. Также имеющееся экономическое и социальное расслоение способствует тому, что более обеспеченные люди (или страны) демонстрируют своё негативное отношение — неуважение, презрение — к наименее обеспеченным. В итоге возникают уже упомянутые ассоциации «бедность — ненадёжность», «обеспеченность — честность» и многие другие. С точки зрения г-жи Фуркад, к таким выводам люди приходят, как правило, бессознательно. Более того, их приводит к этому само устройство экономики и общества. Например, фондовый рынок можно рассматривать как одно из связующих звеньев между экономикой и моральными оценками: экономическая стабильность фирмы ведёт к росту на фондовом рынке её стоимости, которая, в свою очередь, предполагает оценку фирмы как хорошей и надёжной.

В ходе обсуждения доклада Марион Фуркад Дэвид Старк (Колумбийский университет) вернулся к её тезису о том, что рынок является основным механизмом превращения экономических структур в структуры моральные. Г-н Старк предложил не останавливаться на обсуждении сегодняшнего дня и задаться вопросом о том, что же ждёт нас в будущем и каким будет пострыночное общество. Какой механизм придёт на замену рынку, и по-прежнему ли состояние экономики будет проецироваться на социальные структуры? По мнению г-на Старка, Россия — в высшей степени удачное место для обсуждения такого рода вопроса, ведь ещё пару десятков лет назад ситуация здесь кардинально отличалась от нынешней, а это служит очередным доказательством того, что рынки стремительно меняются, и исследователи не могут этого игнорировать.

Место проведения пленарного заседания конференции (Политехнический музей) не осталось без внимания второго докладчика — Лорана Тевено, директора по исследованиям (*research director*) Высшей школы социальных наук (Париж). Прежде чем перейти к основной части выступления, г-н Тевено продемонстрировал отрывок видеозаписи выступления Булата Окуджавы в большом лектории Политехнического музея.

Тексты г-на Тевено, посвящённые анализу того, как устанавливается понимание на рынке и какую роль в этом процессе играют логики обоснования ценности, широко известны как зарубежным, так

¹ Steensland B. 2008. *The Failed Welfare Revolution: America's Struggle over Guaranteed Income Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

и российским социологам. В докладе «Сдвигающиеся способы и точки оценивания: межкультурный критический подход» («Shifting Modes and Loci of (E)valuation: A Transcultural Critical Perspective») автор обратился к вопросу о том, как происходят изменения в определении ценности различных товаров и явлений. Обозначив свою задачу как попытку вписать процессы оценивания в действия человека, г-н Тевено привёл два примера того, как индивиды пытаются определить, а затем продемонстрировать окружающим ценность событий или предметов. В первом из примеров он упомянул сотрудницу организации, коллекционирующую фотографии своих клиентов. Для того чтобы оценка ценности фотографий для девушки и её клиентов оказалась одинаковой, необходимо, чтобы у них существовал ряд общих знаний, на основе которых будет выстраиваться понимание. Передать такого рода знания оказывается не всегда возможным. Например, при попытке объяснить кому-либо, как вести себя в лесу, человек не может передать своё умение свободно перемещаться по лесу. В данном случае именно отсутствие общей базы приводит к невозможности передачи знаний и общего понимания.

Важным для улавливания общей схемы выступления докладчика является термин «вовлечённость», именно она обеспечивает возможности для социальной координации. В рамках своей презентации г-н Тевено указал на несколько средств достижения вовлечённости: общие представления о различных товарах; личная привязанность и личный выбор индивида; наконец, создание (или личный вклад) в общее понимание чего-либо.

Затем автор акцентировал внимание на двух процессах, необходимых для установления порядка и связанных с существованием определённых общностей, — коммуникации и композиции. Коммуникация предполагает получение и передачу (как вербально, так и невербально) определённой информации, композиция — её представление конкретным актором. Красочные фотографии, демонстрирующие различное восприятие сходных феноменов в различных контекстах, усилили впечатление аудитории от доклада.

Особое место в теории Лорана Тевено занимают рассуждения о том, как язык влияет на социальные процессы. В ходе взаимодействия люди используют определённую лексику и определённую грамматику. В итоге формируются миры слов, которые и позволяют людям структурировать реальность. И снова именно существование общих знаний (*familiarities*) обеспечивает возможности понимания.

Аудитория не осталась равнодушной к высказанным идеям. Конечно же интерес вызвало соотношение порядков обоснования ценности с предложенной теорией. Лоран Тевено указал на то, что все предложенные теоретические построения имеют практический смысл, но далеко не всегда у исследователя есть возможность ограничиться анализом языка и высказываний, зачастую приходится обращать внимание на специфику изучаемых объектов, контекст разговора и др. Профессор НИУ ВШЭ Ольга Кузина, в свою очередь, выразила сомнение относительно методологии исследования. Так, несмотря на весьма убедительные доводы докладчика, открытым остался вопрос, насколько правомерно говорить о том, что индивиды действительно переключаются между режимами вовлечённости (в том числе используя различные лингвистические конструкции), и не являются ли эти режимы только плодом воображения исследователей. Г-н Тевено с таким подходом категорически не согласился, сославшись на то, что исследователь должен не ограничиваться анализом текстов, а обращать внимание на всю получаемую от респондентов информацию. Например, чтобы оценить, насколько респонденты искренни в своих ответах, стоит обратить внимание на жесты, интонации и т. д. Используя эти методы в том числе, автор и пришёл к описываемым в презентации умозаключениям.

Оба представленных на пленарном заседании доклада были богаты на идеи, каждая из которых заслуживала отдельного внимания. Их обсуждение было продолжено в более непринуждённой атмосфере — на конференционном ужине, проходившем в палатах Волковых–Юсуповых.

Анализ финансовых рынков как способ понимания сути рыночных механизмов

Четвёртое пленарное заседание, прошедшее в рамках конференции «Укоренённость и за её пределами...», получило название «Знания, технологии и рынки» («Knowledge, Technology, and Markets»). На заседании, состоявшемся 29 октября, прозвучали доклад Карин Кнорр из Университета Чикаго и Дэвида Старка из Колумбийского университета. Председателем заседания была Николь Биггарт из Университета Калифорнии в Дэвисе.

Г-жа Кнорр, известная своими исследованиями финансовых рынков, вновь обратилась к этому объекту в своём докладе «Что такое финансовый рынок? Архитектура и социология» («What is a Financial Market? Architecture and Sociology») и предприняла попытку показать, что на сегодняшний день сформировались рынки с принципиально новой структурой: рынки, где ключевая роль переходит от сетей к технологиям, компьютерам, на экране которых отображается вся информация, и именно на её основе акторы принимают решения.

Г-жа Кнорр указала на то, что понятие «механизм», как и понятие «институт», используют равно социологи и экономисты. Однако первых интересуют проблемы непредсказуемости желаний (*contingency of wants*), вторые же обращают внимание на процессы установления цены. В случае с институтами социологи чаще рассматривают вопросы неравенства и укоренённости, экономисты же концентрируются на проблеме «рынки vs иерархии».

В качестве объекта для анализа г-жа Кнорр выбрала финансовые рынки, подчеркнув, что полученные результаты нельзя без целого ряда ограничений распространять на другие рынки. Из всех финансовых рынков наиболее развитым является валютный. При этом в странах-лидерах сокращается число банков, но растёт концентрация в страновом разрезе: так, большая часть оборота валютного рынка приходится на три страны: США, Великобританию и Китай.

Карин Кнорр обратилась к истории развития технологий, которые значительным образом трансформировали работу бирж. В 1886 г. аппарат для передачи текущих котировок акций (*stock ticker*) оказался центральным элементом организации финансовой системы фондовых рынков. На перемещающейся по катушке ленте отмечались стоимость и количество проданных ценных бумаг. Уже на этом этапе система начинает жить своей жизнью. Лента виделась как отдельное живое существо, за которым надо следить, чтобы успешно действовать на рынке. Появление такого механизма стало тем, что г-жа Кнорр назвала первым переходом, в результате которого визуализировались процессы, происходящие на фондовом рынке, появилась возможность следить за ними, а само взаимодействие на рынке стало выстраиваться вокруг мест, где физически располагались эти механизмы.

Второй переход произошёл, когда на рынке начали действовать электронные системы. С этого момента трейдеры оказываются лицом к лицу с монитором, вокруг которого и выстраиваются все их действия. Первая электронная система возникла в 1973 г.² и представляла собой большой экран, отображающий информацию о котировках валют и других показателях их движения. И если до появления электронных технологий рынок оставался сетевым (так как информацию приходилось по-прежнему получать посредством звонков или личного обращения к контрагентам), теперь он становится рынком на экране.

Ещё одна важная характеристика нового рынка — принципиальная невозможность оставаться успешным, опираясь только на собственные рассуждения; перед трейдерами возникает целый ряд новых задач, а перед исследователями — множество вопросов.

² Имеется в виду система «Reuters Monitor», разработанная компанией «Рейтер» для передачи котировок валют в режиме реального времени.

Сегодня можно говорить о третьем переходе — моменте, когда решающая роль принадлежит не просто электронным системам, но и алгоритмам обработки информации. Не менее важно, что на первый план выходит не взаимодействие акторов друг с другом, а работа с неким обобщённым механизмом, аккумулирующим результаты действий всех участников рынка.

Отвечая на вопросы аудитории, г-жа Кнорр подчеркнула, что технологии, предполагающие использование экранов, не являются уникальным свойством фондового рынка. Они применяются, например, в медицине, и, вероятно, в будущем их распространение приведёт к глобальным сдвигам в понимании того, что есть взаимодействие в целом и взаимодействие лицом к лицу в частности. Акош Рона-Тас (Akos Rona-Tas) из Университета Калифорнии в Сан-Диего спросил, не приведёт ли столь активное развитие технологий к исчезновению трейдеров вообще. Однако оценки г-жи Кнорр оказались оптимистичными: феномен трейдерства определённо изменится, но не исчезнет полностью; трейдерам просто придётся освоить новые для них отрасли и технологии.

Второй докладчик — Дэвид Старк, известный российским читателям прежде всего своим анализом структуры организаций, — отметил в самом начале своего выступления, что к его радости экономическая социология в России активно развивается, о чём свидетельствуют и данная конференция, и журнал «Экономическая социология», и участие российских исследователей в научной жизни за рубежом.

Выступление г-на Старка «Периферийное видение: когнитивные сети на финансовых рынках» («Peripheral Vision: Cognitive Networks in Financial Markets») состояло из двух частей: в первой он обратил внимание аудитории на перформативность моделей, выстраиваемых людьми в повседневной жизни, во второй выдвинул предположения относительно того, что восприятие объектов и событий людьми зависит от контекста происходящего.

Свой доклад г-н Старк начал с обращения к идеям Т. Парсонса, считавшего, что экономисты должны заниматься изучением цены, в то время как социологи, не претендуя на сферы их интересов, могут заниматься исследованиями ценностей.

Г-н Старк не согласился с мнением г-жи Кнорр и отметил, что социологи должны заниматься изучением сетей, но сетей специфических, имеющих напряжение (*tension networks*). Это утверждение привело докладчика к более общему вопросу о том, что же должна изучать социология. Дэвид Старк отметил, что ответы «социология изучает общество» и «социология изучает людей» кажутся ему неудачными, и предложил порассуждать о том, что значит быть человеком (*being human*). Но в современном обществе наряду с людьми существуют технологии, которые не просто встраиваются в социальные отношения, а сами являются социальными, следовательно, нельзя обойтись без их изучения. По отношению как к людям, так и к предметам акторы используют два типа высказываний: декларативные (например: «Фотография сделана 15 сентября») и перформативные (например: «Извините меня»). Последние представляют особый интерес для социолога. Сама логика перформативности не является для социологов чем-то новым. Принципиально важна для Д. Старка мысль о том, чтобы приписать свойство перформативности моделям и представлениям в обыденной жизни, а не только научным теориям. Модель в повседневном взаимодействии, с точки зрения докладчика, является перформативной, если следование ей увеличивает её предсказательную силу.

В мире трейдеров существование такого рода моделей также возможно. Более того, именно перформативность моделей в сочетании с рефлексивностью оказывается необходимой для анализа того, как трейдеры преодолевают ошибки моделей. Так, все события, происходящие на рынке, отражаются на едином экране; отдельный игрок, наблюдая за ним, может понять, как поступают окружающие, и соотнести происходящее с известными ему моделями. И в случае расхождения модели и реального пове-

дения возникает диссонанс, а актер вынужден переходить к процессу рефлексивного моделирования. Таким образом, технологии, обеспечивающие возможность возникновения такого рода диссонанса, с одной стороны, играют позитивную роль, позволяя избегать потенциальных ошибок. С другой стороны, они же являются источниками чрезмерной уверенности акторов в собственной правоте и ведут к снижению уровня рефлексивности.

Вторая часть доклада Дэвида Старка была посвящена анализу распознавания с помощью категоризации (*categorical cognition*) и распознаванию в перспективе (*perspective cognition*). Это последнее предполагает, что актер не сравнивает воспринимаемый объект с некоторым эталоном, а оценивает связь этого объекта с окружающими предметами и явлениями. Здесь докладчик вновь упомянул выступление г-жи Кнорр и напомнил слушателям о её идее о том, что актеры получают информацию об окружающей реальности посредством различных механизмов. Обоих докладчиков интересовал вопрос, как происходит оценка тех или иных явлений. Однако Дэвид Старк предложил расставить акценты по-другому и обратить внимание на то, что актеры зачастую оценивают ситуацию в зависимости от контекста и смотрят не на предмет или явление как таковое, а на то, что данный объект окружает. В заключение Старк выдвинул несколько гипотез, которые только предстоит проверить в ходе дальнейших исследований. Так, он предположил, что восприятие объекта будет трансформироваться при изменении контекста (то есть того, что находится как бы на периферии для наблюдателя), а также что если человек видит сходства в окружающих предметы взаимосвязях, то он будет склонен видеть сходства и между самими этими предметами. Также автор пообещал слушателям, что в ближайшем будущем с результатами этого анализа можно будет ознакомиться в его статьях.

Мари-Лаура Джелич (Marie-Laure Djelic) из Высшей школы экономических и коммерческих наук (Сержи, Франция) вместо вопроса к участникам сессии предложила своё видение представленных на конференции докладов. С её точки зрения, их пронизывает идея синхронности, озвученная Брайаном Уци в рамках его пленарного доклада³. Так, г-н Уци делал акцент на индивидуальных действиях, Карин Кнорр обратилась к следствиям индивидуальных действий и, наконец, Дэвид Старк затронул проблему их рефлексивности.

Завершилось пленарное заседание выступлением Вадима Радаева. Он поблагодарил всех участников конференции за интересные доклады и комментарии, а организаторов — за успешную и слаженную работу.

³ См. подробнее: Богатырь Н. Укоренённость и за её пределами: воздействие сетей. *Экономическая социология*. 2012. 13 (5): 168–172. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2012/11/30/1234591727/ecsoc_t13_n5.pdf#page=163